

К. мем
wa
P6 37
Общество Изучения Казакстана.

В. Некрасов - Клиодт.

**Реквизиция киргиз на тыловые работы
в 1916 году.**

О Ч Е Р К.

Издание Общества Изучения Казакстана.

Кзыл-Орда — 1926 г.

Реквизиция киргиз на тыловые работы в 1916 году.

О чер к.

Империалистическая война требовала слишком большой затраты не только народных средств, но и живой народной силы. В то время, когда Германия и Австрия и их противники — „союзники“, благодаря техническим усовершенствованиям во многих случаях заменяли живую силу машинами, страны с отсталой техникой, как Россия, Турция и другие, вынуждены были во всех позиционных и подготовительных военных операциях рассчитывать только на живую силу и при ее помощи выдерживать натиск противника. России при чрезвычайном протяжении ее границ пришлось занимать и самую большую оперативную линию, тянувшуюся на тысячи верст, что требовало и для позиционной боевой линии и для обслуживания ее и тыловых работ большого количества строевых и тыловых технических частей. Занятие Польши, хотя и выравнило общую позиционную линию и этим сократило ее, но в то же время лишило Россию довольно хорошей сети железных дорог и укрепленных опорных пунктов, создав весьма слабый фронт, который требовал создания немедленно баз, опорных пунктов.

К началу 1916 года резервы живой силы в России были слишком исчерпаны, под ружьем и в тылу находилось около десяти миллионов человек, а положение на фронте было тяжелым, фронт требовал весьма внимательного к себе отношения, так как грозил существенными опасностями, тем более, что затяжка войны для Германии была невыгодна и она естественно должна была стремиться к тому, чтобы скорее покончить с каким либо из своих противников. Это создавало чрезвычайно напряженное состояние на фронте, требовавшее максимального напряжения всех сил и средств.

Указанные предпосылки отчасти объясняют стремление правительства к все большей и большей мобилизации живой силы. Черпать таксую за счет России и Сибири правительство уже почти не могло, так как это создавало опасность неуравновешенности между фронтом и тылом, между нуждами и требованиями армии и способностью населения к обслуживанию этих нужд. Естественно, что взоры правительства обратились в сторону наименьшего сопротивления, — к тем резервам, которые оставались почти неиспользованными — к инородческим племенам, могущим служить серьезной помощью при ведении военных и тыловых операций.

30-го июня 1916 года Степной генерал-губернатор Сухомлинов опубликовал нижеследующее объявление:

„ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было в 25-й день сего июня высочайше повелеть ныне же привлечь на остальное время войны, для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, освобожденных от воинской повинности инородцев империи, в частности киргиз степного края.

Приему в ближайшую очередь подлежат киргизы, родившиеся между 1897 и 1885 годами, т. е. в возрасте от 19 лет до 31 года.

Лица эти привлекаются реквизиционным порядком не в ряды войск, а для нужных армии работ с платой и с предводительством от казны.

Объявляя об этом киргизскому населению вверенного мне края, я питаю твердую надежду, что киргизы беспрекословно отзовутся на царский призыв и тем вновь на деле докажут свою преданность царю и родине, как доказали ее раньше своими трудами и заботами по призрению семей запасных нижних чинов, призванных на войну“.

Входя в критику указанного объявления, можно видеть, что в то время, несмотря на самое серьезное решение провести „реквизицию инородцев“ для работ, правительство совершенно не было уверено в возможности безболезненно осуществить свои планы. Характерная для такого представителя правительства, как Сухомлинов, фраза „я питаю твердую надежду, что киргизы беспрекословно отзовутся на царский призыв“, лучше всего бросает свет на те предположения и опасения правительства, которые имелись ввиду. Опасения не заставили долго ждать их подтверждения.

Как только правительственное объявление было выпущено, оно моментально облетело всю степь.

Степное население, совершенно не подготовленное к тому, что ему вообще придется участвовать в той или иной роли в войне, рассчитывавшее на свои некими установленные привилегии, не мыслящее даже о возможности их нарушения когда либо, было застигнуто врасплох. Традиционный уклад жизни грубо и неожиданно нарушался. К негодованию присоединялась неуверенность в том, что его не обманывают ли так же, как грубо нарушили его права. Перспектива попасть в солдаты, на фронт выростала сама собой и еще более усугублялась тем, что само объявление говорило, что приему „в ближайшую очередь“ подлежат киргизы в возрасте от 19 лет до 31 года, т. е. наиболее физически сильная часть населения. Конеч войны не предвиделся и нужно было ожидать за первым набором—реквизицией, второй и так далее.

К этому присоединились всевозможные слухи, толки о том, что набор делается не для тыловых работ, а для пополнения армии солдат, или что работы по рытью окопов будут проводиться между двумя неприятельскими линиями,—немецкой и русской и тому подобное.

Естественно, что вся основная масса степного населения остро реагировала на правительственное распоряжение и делала свои выводы.

В аулах оживленно разбиралось, как самое правительственное распоряжение, так и те меры, какие ему необходимо было противопоставить. Общая мысль, общее решение было—не подчиняться правительству, „киргиз в рабочие не давать“, лучше смерть в степи, на родине, чем там, где то далеко на чужбине.

Обаяние царя, власти, оказалось дутым и превозносило только редкими монархистами. О „верноподданических чувствах“ не было и намека. Движение вскрыло, как население в течении нескольких дней могло легко отделаться от всяких предрассудков, неверных взглядов, если они и были, на сущность правительства и его представителей на местах.

Из донесений чинов полиции, мировых судей и других видно, что отношение населения к представителям правительства резко изменилось. Вместо обычно показываемого внешнего уважения, на них смотрели, как на заклятых врагов.

Одновременно изменилось отношение и к русскому населению, которое степняки считали виновным и в происходящем наборе и в оказании содействия полиции. Последнее обстоятельство усилилось тем, что вскоре стало известно о предпринимаемых властью мерах: вызове карательных отрядов из Омска, а также спешной мобилизации казаков из числа остающихся в уездных городах и станицах.

Представители власти в губернии довольно ясно представляли себе, как степное население откликнется на правительственное распоряжение и, учитывая важность начала—удачного проведения набора в одном из уездов с основным казак-киргизским населением, действовали с достаточной осторожностью. Семипалатинский губернатор специально выезжает в Каркаралы и объявляет о наборе на нарочно созванном собрании киргиз. Построенный расчет на возможность уговорить влиятельных киргиз подчиниться правительственному распоряжению, а отсюда следовательно повлиять и на всю массу населения, не оправдался.

На объявление о наборе, собравшиеся ответили таким бурным негодованием, что представители власти растерялись. Настаивание на проведении распоряжения о наборе в жизнь вызвало целую бурю. Масса киргиз губернатору ответила криками: „мы киргиз на работы не дадим“.

Невозможность принять сразу же репрессивные меры привела к тому, что степное население увидело слабость и, пожалуй, равенность правительства и одновременно начало осознавать свою силу и значение организованности.

Прогнал губернаторского выступления в Каркаралинке, с одной стороны, заставил представителей власти искать срочного выхода из положения, которое не обещало для них ничего хорошего. выход же рисовался только в посылке карательных отрядов, с помощью которых рассчитывали на проведение набора, с другой стороны для населения стало ясно, что власть будет принимать те или другие меры, на простое неподчинение станет применять силу и все таки будет проводить набор.

12-го июля генерал-губернатор степного края опубликовал объявление, разъяснявшее населению вздорность слухов о том, что киргизы будут использованы для окопных работ между неприятельскими линиями и таким образом подвергаться расстрелу с обеих сторон, при чем в своём обращении грозил репрессиями против тех, кто будет распространять тревожные слухи.

Такое объявление не только не внесло успокоение, а наоборот, давало новую пищу негодованию, так как было направлено не только против сознательных противников набора, но уже и против самой массы населения.

Степь волновалась, шли слухи о том, что в волостях шла спешная подготовка и обсуждался вопрос, как вести борьбу против набора. Почти повсеместно началось бегство батраков в степь, казачьи станицы и русские поселки, состоявшие главным образом из переселенцев, оставались к уборке хлебов без наемных рабочих. Батраки, уезжая в степь, сплошь и рядом угоняли скот из русских поселков, которые поневоле и против всякого своего ожидания являлись страдательными лицами.

Попытки некоторых ретивых чинов полиции выполнять распоряжение по проведению набора привели к избитию их киргизами, в некоторых случаях кончавшиеся смертью.

19-го июля было опубликовано новое распоряжение, которое грозило каждому, оказавшему вооруженное сопротивление властям, военным судом и смертной казнью. От репрессий против агитаторов правительство решило перейти к репрессиям против всей массы населения, при чем избирало излюбленный метод—расстрелы.

Зная, что при большом народном движении одними репрессиями много не сделаешь, а скорее получишь не тот результат, который ожидается, Семипалатинский губернатор 21-го июля с разрешения министра внутренних дел опубликовал следующее разъяснение казак-киргизскому населению области:

„Государь император высочайше повелел те подданные ему народы, которые не отсылают воинской повинности, призвать для работ, так как русские пошли в солдаты.

Многие киргизы не поняли этого повеления, думают, что и их берут в солдаты, и поэтому волнуются.

Разъясняя всему киргизскому населению области, что киргизы призываются по царскому повелению не в солдаты, русских солдат и без них слишком много; киргизы призываются на работы, чтобы помочь работой русскому народу, который воюет.

Кто может нести полезную работу здесь, будет работать здесь, а кому здесь работы нет, тот должен поехать на работу туда, куда ему укажет военное начальство.

Поэтому теперь не будут призываться и будут оставлены здесь на работах следующие киргизы:

1) Работающие на сельскохозяйственных работах у крестьян, казаков, частных владельцев и в казенных учреждениях, в том количестве, которое работало обыкновенно, и, кроме того по одному рабочему на каждую солдатскую семью, как крестьянскую, так и казачью;

2) Состоящие на государственной службе и служащие у должностных лиц и в казенных учреждениях;

3) Должностные лица киргизского общественного управления (волостные управители, народные судьи, аульные старшины и кандидаты этих должностных лиц; писаря при волостн. управлениях, указные муллы);

4) Почтосодержатели и ямщики почтовых и земских станций;

5) Табунщики и погонщики казенных гуртов и табунов;

6) Работающие на заводах, служащих для обороны государства, например: мельницы, кожевенные и шубные заведения, шерстомойки и тому подобное.

Списки этих заведений находятся у уездного начальника.

7) Работающие на золотых промыслах, каменноугольных и марганцевых копях и на соляных озерах;

8) Работающие на пароходах, баржах, плотах, на бакалах и грузчики на пристанях;

9) Работающие на железных дорогах;

10) Заведывающие военно-конскими участками;

11) Окончившие высшие и средние учебные заведения и учащиеся в этих заведениях;

12) Привлеченные к обязательной гужевой подвозке топлива и продовольствия.

Работающие в указанных предприятиях могут быть оставлены лишь в том количестве, которое работало ранее в обычное время.

Те, которые при освидетельствовании будут признаны больными или неспособными к труду, на работу не будут призваны.

Семипалатинский губернатор *Ф. Чернов*.

Из обращения видно, что льготы предоставлялись главным образом влиятельным лицам в степи, с помощью которых правительство рассчитывало внести разлад в среду населения и добиться поставленной цели—провести набор.

Применялся обычный метод—завербования сторонников из обеспеченных слоев населения, которые должны были сыграть роль пропагандистов, защитников правительства, пользуясь своим влиянием, обуславливаемым патриархальным образом жизни населения.

Освобождая от набора волостных управителей, писарей, аульных старшин, народных судей и т. д. (§ 3 обращения), а также давая возможность богатым устроиться в качестве рабочих на сельскохозяйственных работах у русских и казаков (§ 1 обращения), правительство стремилось сохранить на своей стороне влияние на степь через этот общественный аппарат, играющий в степи доминирующую роль.

Вся общественная жизнь казак-киргиз еще в годы войны, отчасти даже и теперь, проявлялось в моменты выборов должностных лиц (управителей и судей), когда настроения, страсти проявлялись в наивысшей степени. Родовая вражда здесь принимала свои резкие формы и выборы в волости обозначали для победившего на выборах рода (или партии) усиление и могущество и для побежденного зачастую чуть ли не полное экономическое разорение.

Внесло ли это разяснение успокоение, сломало-ли сопротивление населения. Нет. Сведения шли со всех уездов о том, что киргизы бросали свои стоянки и уключивали вглубь степей.

На приемные пункты никто не являлся. Над полицией, пробовавшей принимать какие либо репрессивные меры, население откровенно издевалось. В волостях, аулах шла спешная подготовка к оказанию сопротивления, т. к. для всех было ясно, что правительство прибегнет к помощи вооруженных воинских отрядов и стычки неизбежны.

Сведения о том, что степь вооружается шли со всех сторон, хотя и были преувеличенными и представители власти были серьезно озабочены создавшимся положением.

Особенно тревожные слухи шли из Каркаралинска; там не только полиция и местная власть в лице разных начальников и судей была почти в панике, но это передалось и русскому казачьему населению, которое ожидало нападения со стороны степняков.

В пограничных уездах Зайсанском, Лепсином и Бухтарминском крае начался массовый переход целыми аулами со всем имуществом и скотом за границу, в Монголию. Бежали, наиболее догад-

ливые и нежелающие подвергаться всяким случайностям, связанным с открытым восстанием, бежали и решительные, предвидящие события, в надежде в Монголии и Китае достать оружие и с таковым вернуться на родину.

Общее напряженное состояние передалось и русскому населению, которое усилилось с одной стороны распоряжением губернатора провести спешную мобилизацию казачьего населения в некоторых уездах, городах и казачьих станицах, а с другой стороны начавшимися налетами казак-киргиз с целью угона скота на русские заимки и поселки, которых казак-киргизы не без основания подозревали в оказании поддержки, принимаемым правительством мерам.

В самой среде киргизского населения, благодаря провокационной политике правительства в отношении различных слоев населения, наличие этих слоев (с одной стороны байства, — своеобразного кулачества, верхушек родовых групп и с другой — казак-киргизской бедноты), отсутствия умелой организующей национальной силы, не было единомыслия, как в принципиальном отношении к набору, так и в средствах предупредить возможность его проведения.

Во многих волостях управители по распоряжению уездных начальников не только приступили к составлению списков лиц подлежащих набору, но открыто, вопреки общему мнению, становились на сторону правительства и являлись его агитаторами.

Это привело к тому, что население начало валать на волостные управления, нередко избивая управителей и писарей, отбирая у них посемейные списки и уничтожая таковые.

Дружный стихийный отпор, общее нежелание подчиняться распоряжениям, грозящее принять самые острые формы восстания, заставили власть задуматься и искать выхода путем обмана, оттягивания решительного выступления до благоприятного момента.

31-го июля 1916 года генерал-губернатор Сухомлинов объявляет "особую царскую милость" в ознаменование тезоименитства наследника "для киргиз" — отсрочку призыва до 15-го сентября того же года, одновременно сделав отсрочку призыву и для ратников 1-го и 2-го разряда до 15-го августа.

Была ли это действительно милость, и поверило ли в нее степное население. Конечно нет.

Представители власти были серьезно озабочены создавшимся положением и искали выхода, так как восстание было налицо и к тому же и имеющиеся в их распоряжении части войск были весьма не достаточны и не совсем надежны.

Сделав отсрочку, рассчитывали внести временное успокоение среди населения, заставив его выждать дальнейшего, т. е. среди такого не было достойных руководителей, в то же время приступили к обработке "влиятельных киргиз" главным образом волостных управителей, судей, аксакалов и т. п.

Из сохранившихся архивных материалов видно, что при помощи влиятельных лиц из казак-киргиз было решено составить комитет по содействию проведения набора, при чем в состав этого комитета старались втянуть всех более или менее популярных или имеющих влияние казак-киргиз. Один из таких списков, составленный известным богачем в Каркаралинской степи, Хосенем Акаевым, предусматривает вхождение в комитет главным образом управителей и почетных аксакалов, т. е. верхушки общественной жизни степи.

Какую именно работу проводил комитет и как об этом полицейские доносили—архивные документы не говорят, но что наметенная агентами правительства цель была достигнута, это ясно. Управители и „почетные аксакалы“ оказались петлей на шее степного народа, при помощи которой, а также и при помощи вооруженной силы, правительство расправилось с восставшими и провело набор.

Разлад населения был внесен. Если не во всех волостях, то в большинстве, байство стало на сторону правительственной власти и не за страх, а за совесть начало проводить кампанию за набор.

Организующей национальной силы, способной не только понять и охватить движение, но стать во главе такового и руководить им, не было, благодаря чему движение разбилось, рассыпалось, начало выливаться в анархистические выступления никем не руководимые и не направляемые к достижению определенной цели.

Нападения просто на русские селения начали принимать частый характер, при чем обычно имели цель угон скота, нередко происходили потравы хлебов и даже поджоги домов, главным образом тех, в которых размещались те или иные учреждения.

Это явилось с одновременно проводимой агитацией среди русских поселков о том, что от казак-киргиз нужно ожидать разбойных нападений, побуждающим стимулом для русских, которые в поселках создавали дружины для самообороны, причем в этом случае полиция их поддерживала, раздавая оружие и огнестрельные припасы.

Пограничные казак-киргизские волости с Китаем, перешедшие за границу, надеясь найти там убежище от произвола властей, попадали в тяжелые условия и сам переход давал им только временное избежание репрессий и набора, но неподготовленность к жизни там заставила многих возвращаться сразу же обратно, остальные почти все вернулись с наступлением холодов.

Как себя вели общественные деятели из киргиз в это время и отношение к ним со стороны населения характеризуется тем, что в Лабинской волости дом волостного управителя был сожжен населением из-за его активной работы.

Общее положение выливается в интересном самом по себе документе—рапорте волостного управителя Кувской волости Каркара-

линского уезда на имя „Господина председательствующего в съезде“, приходившем во 2-ой половине августа в гор. Каркаралинске.

Управитель С. Шамшин доносит до сведения „его высокоблагородия“ о том, что на него, находящегося с ним мирового судью, писаря и нескольких киргиз в ауле на урочище Токшабай было сделано нападение 40 человек, вооруженных „сухими“ орудиями, т. е. палками, которые им заявили: „Ты, твой писарь с Хасенем Акаевым, прибыв в гор. Каркаралы, переходив на сторону правительства, обещали дать нас киргиз на военные работы, но мы на это не согласны и никогда на военные работы не пойдем. Если Правительство желает брать насильно, то мы будем настоять напротив. Одни вы, управитель, писарь с Хасенем Акаевым перешли на сторону Правительства, а соседние волости, как например: Сартавская, Бюрлинокая, Дастарская, Абралинская, Эдрейская, Дегелинская, Беркаринская, Кентская и Темерчинская на нашей стороне, т. е. не подчиняются. Мы не слушаем не только вас, даже Князя, т. е. Степного Генерал-Губернатора, Губернатора и Акжелке. Вы объявляете населению, что виновные по сему делу привлекаются к военному суду, а что же могло Правительство тем лицам, которые избili при Губернаторе Нарымбека Бодукова и „Акбаса“, т. е. Червева, и нашим партийникам, которые отбирали списков от Вас и распространяли среди населения объявление, переведенные на мусульманский язык, объявляете, что они от Царя и от Князя, но мы на это не обращаем внимания, нам они не нужны, мы вашими объявлениями стираем з. у. Мы прекрасно знаем, что число наших душ находится в посемейном списке, находящийся у Вас, а вы по сему списку желаете представить Правительству наших киргиз в возрасте от 19 до 31 года. Так как мы не согласны на это, то просим дать посемейного списка добровольно, а иначе отбираем“. 1)

Автор рапорта далее говорит, что он со своими приверженцами угрожал исполнить приказание Великого Царя, как исполняют это приказание они и что, несмотря на угрозы, „до последней минуты наших жизней“ не отдадут посемейных списков. Этот ответ был сигналом для нападавших, которые принялись избивать управителя и его товарищей. К счастью защищавшихся на их крики бежались их приверженцы из ближних аулов, которые их выручили от избивания.

Во время этой стычки нападавшие вынуждены были бежать, оставив „самого величайшего главаря смуты (он и есть кузнец, который ковал смутникам сабли, пашки, пики, ружья и друг.) Мукая Джужбаева“.

„Про Мукая Джужбаева“—доносит далее управитель: „мы слышали давно, что он сделает вышесказанные орудия и выдаст им

1) Сохранена орфография подлинника.

шайкам с целью завоевать Великую Россию". К рапорту прилагаются: 1) кинжал, 2) пика, сделанная Мукаем Джузбаевым и отобранная от него же, 3) Смутник Мукай Джузбаев, который представляется для допроса.

Какая участь постигла этого величайшего смутника, установить не удалось.

Читатель вероятно улыбнется над теми способами, при помощи которых смутники думали покорить „Великую Россию“.

Хотя ретивый управитель в пылу желания выслужиться многое из этого эпизода и переврал, представил в преувеличенном виде, но изложение тех заявлений и требований, которые предъявили к нему нападавшие, в общем было верно. Верно было изложено и отношение массы к Правительству и к своим выборным лицам, верно было указание и на готовность масс настаивать на своем и не давать товарищей на работы, верны были и указания на те способы защиты, которые избирал народ. При помощи „сухих орудий“, самодельных пик, сабель и т. д. он думал защищаться от произвола властей. Как ни странно, к несчастью это горькая действительность.

Полудиккий народ, неимеющий почти никаких средств для ведения борьбы, дезорганизованный своими же выборными лицами, предавшими его, не знал и против кого ему нужно бороться—понятия: русский, казак и полицейский нередко отождествлялись.

Джузбаевых было много в степи, но они не знали куда нужно было направить свой гнев, свою энергию и в большинстве случаев, если понимали, что силой они не смогут справиться, оказывали пассивное сопротивление, уходя вглубь степей в надежде, что там их не смогут взять, или же за границу.

К концу сделанной отсочки по набору губернские власти сумели деморализовать движение и подготовить воинские отряды для проведения карательной политики и умирения непокорных.

Из Омска через Павлодар и Баян-Аул вышел казачий отряд с пулеметами под командой есаула Шестакова, в распоряжение которого были переданы и мобилизованные казачьи отряды Каркаралинского и Павлодарского уездов. Такие же карательные отряды оперировали в Лепсинском, Зайсанском и Устькаменогорском уездах, а также на границе в Бухтарминском крае.

Заблаговременно было отдано распоряжение по всем русским поселкам и городам киргизам не продавать железа и железных изделий и не исправлять никакого оружия. Джузбаевы в своей массе были страшны и их необходимо было ослабить как бы то ни было. Эти мероприятия однако не везде встречали сочувствие со стороны русского населения, которое в большинстве своем к происходящим событиям относилось пассивно, стремясь только обезопасить себя на случай возможных нападений на их имущество.

Как действовали усмирители, какова была карательная политика видно из следующих эпизодов.

В двадцатых числах сентября из Каркаралинска вышел в степь карательный отряд в количестве 200 человек с 2-мя пулеметами, под командой войскового старшины Иванова, который двинулся в степь по направлению к Кенгуру. 22 сентября во владении Джезды отряд обнаружил караван с мукой в количестве 122 верблюдов, охраняемый 50 „вооруженными“ киргизами.

Казачий разезд бросился задержать караван, но был встречен ружейным огнем. Вооруженные или охотничьими ружьями, или допотопными самопалами, а большей частью сюлами (палками) и холодным оружием киргизы не могли противостоять хорошо вооруженным казакам и бежали. В стычке оказалось двое убитых киргиз и пять задержано. Задержанные показали, что в Караджаре находится около 1500 вооруженных киргиз.

Ретивый старшина бросает с караваном 40 человек, а сам с остальными и с пулеметами направляется в Караджару.

По донесению старшины стычка в Караджаре произошла в пять часов утра при чем со стороны киргиз якобы участвовало около тысячи человек.

Караджара, представляющая высокий обрыв, была занята киргизами, которые при приближении отряда открыли ружейный огонь. Старшина действовал по всем „правилам военного искусства“, избивая полубезоружных.

Оставив против противника пулеметы с прикрытием из казаков, сам сделал обход горы с двух сторон и повел атаку. Из его донесения видно, что „сначала часть киргиз двинулась на отряд, но затем все бросились бежать, в результате чего преследование продолжалось более десяти верст“. В результате этой стычки со стороны киргиз на месте осталось 49 трупов, хотя донесение добавляет, что убитых было свыше 80 человек, часть которых была подхвачена и увезена товарищами. Со стороны же казаков оказался один легко ранен в голову и один без вести пропал, впоследствии выяснилось, что он был убит.

Донесение перечисляет трофеи—захваченных лошадей, но ни звука не говорит о захваченном оружии, что дает основание думать не о бое, а о бойне,—избиении безоружных людей.

После такого „успеха“ отряд вернулся в Караджару и предполагая, что степняки концентрируются в районе Сырасу двинулся туда, при чем по дороге снова захватил караван в 22 верблюда с мукой.

24 сентября отряд настиг уходивших спешно в глубь степей киргиз и завязал с ними перестрелку. Донесение уже не говорит о сопротивлении, нападении на отряд, а только перечисляет „успехи“—свыше сорока убитых киргиз и много раненых. Бежавшие были

оставлены и их заставили идти обратно. В отряд явились представители Сарысуйской, Джакасарысуйской, Кумкунуруйской и Бачакумской волостей с изъяснением полной покорности, вернее с просьбами прекратить избиение.

Такие „доблестные“ действия карательных отрядов проходили по всей степи, с той только разницей, что расстрелы производились не только при намеке на сопротивление, но и тогда, когда такового совершенно не было.

На бесчинства, ничем не оправдываемые расстрелы представители власти в губернии смотрели закрыв глаза. Подаваемые жалобы, если и находились люди, рискующие их подавать, оставлялись без рассмотрения или виновным находилось оправдание.

Насколько было терроризировано население видно из следующего примера: на пристава Болдышева, свирепствовавшего с карательным отрядом в Зайсанском уезде, была подана жалоба, в результате расследования каковой по поручению губернатора и прокурора, выяснилось, что лица, подписавшие такую, один бежал за границу, а другой от своей подписи отказался.

Слухи о творимых насилиях, расстрелах донесли и до центра России. В Государственной Думе депутатом Джафаровым было зачитано письмо из Зайсанского уезда о творимых безобразиях полицейскими и казачьими отрядами в нескольких киргизских волостях, которые их встречали хлебом и солью. Письмо, конечно, не могло воспроизвести и незначительной доли того, что было в действительности, однако произвело весьма сильное впечатление на общественность и вынудило правительство отдать распоряжение секретным порядком произвести „расследование“ по этому делу. Зайсанский уездный начальник, а за ним губернатор ограничились формальной бюрократической отпиской с опровержением факта насилий и на этом дело кончилось. Могли ли они иначе отнестись к отдельным случаям насилий и безобразий, когда само правительство в целом совершило одно из очередных безобразнейших насилий против целого народа.

Киргизское население в большинстве своем оказалось совершенно неспособным к оказанию сопротивления. Против хорошо вооруженных и знающих военное дело карательных отрядов пробова-ли выступать скопом, кучей, вооруженные чем попало, а в большинстве случаев ничем, что влекло только бесполезные жертвы и давало возможность карательным отрядам вместо борьбы с сопротивляющимися истреблять совершенно безоружных и беззащитных жителей.

Действия карательных отрядов, с одной стороны, и верхушки общественной жизни—с другой, привели к тому, что отдельные вспышки восстания, попытки оказать сопротивление, были скоро

ликвидированы и уже в октябре на сборные пункты начали являться подлежащие призыву на работу.

Каков был результат проводимой реквизиции и вспыхнувшего на этой почве движения?

Реквизиция начала давать результат—живую силу для военных работ только к концу 1916 года, когда уже начали появляться предвестники великой революции. Громадному большинству набранных рабочих совершенно не пришлось участвовать в производимых работах из за последовавших вскоре событий.

Правительство учло серьезность движения среди киргизского населения и в октябре 1916 года Семипалатинский Губернатор в очередном секретном очерке об общественно-политическом положении губернии так характеризует его:

„Но правительственная политика за последнее время неуклонно ведет к пробуждению среди киргиз именно политической мысли. Постоянное изъятие из владения киргиз лучших участков земли, стеснение их в землепользовании невольно обращает их интересы уже, как народности, наглядно и чрезвычайно обязательно выдвигает им на глаза общность их нужд, их невзгод и солидарность их интересов; особенно же сильным толчком в этом направлении, **встряхнувшим до основания весь уклад киргизской жизни**, явился призыв рабочих инородцев на тыловые работы. Этим несомненно будятся в сознании киргиз национальное чувство, мысль о противоположении их общих интересов интересам господствующей народности, об их положении и значении в государственном организме.

Под влиянием таких факторов и в виду естественного исторического процесса, ускоряемого мерами правительства к просвещению инородцев, киргизское самосознание несомненно может окрепнуть в ближайшем же будущем, при чем ходу их политического мышления легко может быть дано антигосударственное направление, если своевременно не будут приняты против этого надлежащие меры. Представляется существенно необходимым в ближайшую же очередь поставить и **решить вопрос о будущих судьбах киргизского народа**; решить, создавать ли из него культурных скотоводов, оседлых земледельцев, или фабрично-заводских рабочих для насаждаемой в крае фабрично-заводской промышленности, оставляя в зависимости от этого в их распоряжении то или иное количество тех или иных земельных угодий) или постепенно их с земли вытесняя“.

Враг великолично учитывал серьезность движения, учитывал, что оно не пройдет бесследно, а после такого предметного урока киргизское население начнет иначе относиться и к своей роли в общем государственном организме и к возглавлявшему его правительству.

„Меры правительственного просвещения ивородцев“ были слишком ощутимы для населения, которое после такого „просвещения“, какое с ним проделали, действительно многому и многому научилось. Оно увидело врага не только в лице правительства и его представителей на местах, оно также увидело врага и среди своей национальности в лице веками давившего его байства, разных „выборных“ и „почетных“, которые в нужный, тяжелый для него момент, начали его продавать оптом и в розницу.

Правительству, конечно, так и не удалось „в ближайшую очередь поставить и решить вопрос о будущих судьбах киргизского народа“. Февральская революция через несколько месяцев „освободила“ правительство от необходимости заняться этим вопросом, хотя она не освободила киргизский народ от „выборных“ и „почетных“ захребетников. Последние еще около трех лет не только связывали народ, но и старались использовать его темноту и невежества, его национальные чувства в контр-революционных целях, втягивая в организации вроде Алаш-Орда и тому подобное.

Только окончательно победивший Октябрь дал возможность степному населению в начале 1920 года совсем освободиться от связывающих его путь, дал возможность начать строить новую жизнь.

Культурность, борьба с вековым невежеством, сознание необходимости классового раскрепощения, уверенность в своих силах, помогут киргизскому народу окончательно избавиться от морального подчинения бывшим „выборным“ и „почетным“ туеядцам-властителям степи и разрушить вековой гнет, который отойдет вместе с осуществлявшими его лицами в область тяжелого прошлого.

Отпечатано в Красной типографии № 1,
гор. Кызыл-Орда.
Заказ № 395. Главлит № 203. Тираж—200 эк.

Редакция: П. В. ИВАНОВ, Ив. В. ЛАРНИ, М. Г. СИРИУС, А. Л. МЕЛКОВ
М. И. ИСПУЛОВ и Х. ДОСМУХАМЕДОВ.

Ответственный редактор по Отделу Истории и Этнографии **А. Л. Мелков.**